

---

---

И. С. ГОЛУБЕВ

## ГОСУДАРСТВО КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ ИНДИВИДА

*В статье рассматриваются основные стратегии анализа взаимосвязи государства и индивида. Показывается, что в современной социальной теории преобладают представления об искусственной и репрессивной природе государства, тогда как для классической философской мысли характерно принципиально иное понимание его происхождения и сущности. Автор анализирует основополагающие социально-философские концепции возникновения государства в аспекте взаимосвязи становления государственности с потребностями и интересами людей. Также рассматриваются современные подходы к анализу потребностей и интересов человека. Автором обосновывается фундаментальная роль биосоциальной потребности в безопасности в качестве одного из важнейших факторов становления и развития различных форм социальной организации, прежде всего, государства. Подчеркивается роль коммуникативных потребностей и интересов человека в процессе формирования устойчивого социального порядка. Делается вывод о том, что генезис и развитие государственной формы организации общественной жизни обусловлены потребностями индивида и отвечают его интересам.*

**Ключевые слова:** государство, индивид, потребности, интересы, возникновение государства, социальная организация, биосоциальная потребность в безопасности, потребность в коммуникации, взаимосвязь индивида и государства.

*The article discusses the main strategies for analyzing the state-individual relationship. It is shown that nowadays' social theory is dominated by the idea of the artificial and repressive nature of the state, while classical philosophical thought was characterized by a fundamentally different understanding of the essence of the state. The author analyzes the most influential socio-philosophical concepts of the emergence of the state in aspect of the interrelation between the forming of statehood and people's needs and interests. Different contemporary approaches to the analysis of human needs and interests are also considered. The fundamental role of the biosocial need for security as a leading factor in the emergence and development of forms of social organization in-*

*cluding the state is substantiated. The role of one's communicative needs and interests in the process of formation of a stable social order is emphasized. The author draws the conclusion that the genesis and formation of the state as a form of organization of public life meets one's needs and interests.*

**Keywords:** *state, individual, needs, interests, emergence of the state, social organization, biosocial need for security, communicative needs, state-individual relationship.*

Одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем современной социальной науки, имеющей немалое практическое, в том числе политико-идеологическое значение, является анализ взаимоотношений государства и индивида. Существующие подходы к ее решению различаются, прежде всего, пониманием происхождения и сущности государства и в этом отношении могут быть охарактеризованы как исходящие из двух принципиально отличных, даже противоположных подходов. Согласно первому, государство представляет собой естественно складывающуюся форму организации социального взаимодействия в обществе, которая, в конечном счете, опирается на потребности индивида и соответствует его интересам. Второй подход более или менее явно исходит из понимания государства как, по существу, искусственного образования, главной «порождающей» функцией которого является принуждение, ограничивающее свободу индивида, и, соответственно, возможности реализации его потребностей и интересов.

Именно этот подход преобладает в современной социальной науке. Показательны в этом отношении примеры таких известных и влиятельных концепций, как учение о биополитике и полицейском государстве М. Фуко, а также теории государства как «организованной преступности» Ч. Тилли, властвующей элиты Ч. Р. Миллса и Р. Лахмана, «оседлого (стационарного) бандита» М. Олсена, «минимального государства» Р. Нозика, публичной сферы Ю. Хабермаса и др. Представления об искусственной природе государства в рамках этих концепций развиваются зачастую до принципиального утверждения его репрессивной сущности; также им свойственна настойчивая актуализация темы неизбежного конфликта интересов государства и индивида.

Основополагающий принцип подобного понимания взаимоотношений государства и индивида достаточно определенно сформулировал один из самых известных сегодня социальных теоретиков Н. Хомский. Приводя слова В. фон Гумбольдта о том, что государ-

ство стремится «превратить человека в инструмент обслуживания собственных, произвольно выбранных целей, никак не учитывающих его собственные намерения» [цит. по: Хомский 2012: 12], он, в свою очередь, отмечает, что «государство – глубоко антигуманный институт. А это значит, что деятельность и само существование государства в конечном итоге противоречат полноценному гармоничному развитию человеческого потенциала в его богатейшем многообразии» [Там же: 13]. Не давая содержательную характеристику столь радикальной оценке сущности государства и такой стратегии понимания его взаимоотношений с индивидом, отметим, тем не менее, факт их принципиального расхождения с классической философской мыслью от Платона и Аристотеля до Гоббса и Гегеля. В ее рамках обосновывается прямо противоположное понимание генезиса государства и его роли в развитии человеческого потенциала.

Исторически первая и наиболее влиятельная с точки зрения последующего развития социально-философской мысли концепция, содержащая систематический анализ взаимосвязи государства с потребностями и интересами индивида, как известно, была разработана Платоном. Рассматривая в своем знаменитом «Государстве» происхождение и сущность этого фундаментального социально-политического феномена, он приходит к выводу, что движущая, «градообразующая» причина возникновения государства-полиса как формы организации социальной жизни заключается прежде всего в присущем каждому человеку стремлении к удовлетворению собственных потребностей. Платон отмечает, что «люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства <...> Как видно, его [государство] создают наши потребности» [Платон 1994: 369].

Значимость этого важнейшего положения Платона подчеркивают и современные исследователи, анализирующие раскрываемую в его учении взаимосвязь возникновения государства и потребностей человека. Так, например, О. А. Коновалова отмечает, что «потребности в теории Платона – это и важный фактор становления и формирования государства, его строя, и “начало общества”» [Коновалова 2007: 125], и добавляет, что «потребности не только “создают” государство, но и обуславливают его дальнейшее развитие; определяют социальную структуру общества» [Там же].

В последующей философской мысли генезис государства и его взаимосвязь с потребностями и интересами индивида рассматривались главным образом в русле такого платоновского понимания. Еще один крупнейший представитель античной социально-философской мысли Аристотель, несмотря на некоторые расхождения с Платоном в определении целей существования государства, тем не менее, также считал стремление индивидов к удовлетворению собственных потребностей фундаментальным основанием полиса как наивысшей формы социальной организации<sup>1</sup>. Так, в «Политике» он отмечает: «...общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни» [Аристотель 1983: 378].

Признание потребностей индивида в качестве главного естественного фактора возникновения государства характерно и для средневековой социально-философской мысли. Само устройство Града Земного, предваряющего врата Града Божия, подразумевало существование государства как не только религиозно регламентированной, но и естественно необходимой формы реализации потребностей и интересов индивида. Соответственно, существование государства объяснялось не только интересами ведения благочестивой жизни, но и необходимостью удовлетворения присущих каждому человеку сугубо материальных потребностей. Так, по словам Фомы Аквинского, считавшего государственное устройство общественной жизни важнейшим социальным благом, «благо справедливо относят к потребности (ведь благо есть то, что желаемо всеми)» [Фома Аквинский 2002: 58].

Социально-философская мысль Нового времени, исходившая, как известно, из принципиально противоположных средневековым, существенно отличавшихся от античных представлений об устройстве социума, тем не менее, в понимании взаимосвязи государства

---

<sup>1</sup> Показательно в этой связи примечание А. А. Тахо-Годи о том, что «Аристотель в “Политике” критикует Платона и Сократа с их государством <...> “как будто вечное государство образуется лишь ради удовлетворения насущных потребностей, а не имеет предпочтительно своею целью достижение прекрасного существования”. Совершенно очевидно, что Аристотель напрасно сетует здесь на Платона, так как Платон разделяет причину возникновения государства и цель, для которой оно создано. Вряд ли Платон отрицал “прекрасное существование” (конечно, понимаемое как высшее благо, а не чисто прагматически и утилитарно) в качестве цели государства» [Платон 1994: 570].

и интересов индивида, также придерживалась в основном ее платоновской интерпретации. Теперь, когда на смену интересам спасения души приходят интересы «сохранения тела», существование государства объясняется прежде всего стремлением индивидов к сохранению собственной жизни и имущества. Так, основоположник теории общественного договора Т. Гоббс, настаивая на том, что человеческой природе в большей степени свойственна эгоистичность, нежели благочестивость, связывал генезис государства с преодолением «естественного состояния» вражды «всех против всех». Возникновение государства в результате «общественного договора» знаменует собой фактический отказ отдельного индивида от произвольного выбора путей удовлетворения своих потребностей, однако взамен обеспечивает реализацию его витальной потребности в безопасном существовании. Что и дает Гоббсу основание утверждать, что «государство установлено не ради себя, но ради граждан» [Гоббс 1989: 401].

Согласно другому крупнейшему представителю договорной теории Дж. Локку, возникновение государства также обусловлено необходимостью обеспечения потребностей индивида в безопасности. Именно в государстве преодолевается «естественное состояние, <...> полное страхов и непрерывных опасений» [Локк 1988: 344], при котором реализация естественных прав индивидов находится под постоянной угрозой. Базисом этих прав для Локка, как известно, являлось обладание собственностью. Исходя из этого, он утверждает, что «правление не имеет никакой иной цели, кроме сохранения собственности» [Там же: 316]. И здесь принципиально важно отметить, что под «общим именем собственность» Локк имеет в виду «сохранение жизней, свобод и владений» [Там же: 334]. Иными словами, для английского мыслителя совершенно очевидно, что возникновение государства соответствует интересам индивида и определено ими, поскольку является необходимым условием сохранения его собственности, а значит (в его понимании), и жизни.

Фундаментальное значение потребностей и интересов индивида как фактора возникновения государства подчеркивал и Г. В. Ф. Гегель, в философии которого идея «потребностного» происхождения государства достигает, пожалуй, своего наивысшего развития. Так, характеризуя взаимосвязь государства с интересами индивида, немецкий мыслитель утверждает, что вне государственной организации, «особенность», то есть конкретный индивид не может обес-

печить реализацию своих собственных интересов: «Государство, – пишет он, – есть единственное условие достижения особенной цели и особенного блага» [Гегель 1990: 289], и далее специально отмечает, что «привычка к безопасности стала второй натурой и никто не думает о том, что это лишь результат действия особых учреждений» [Там же: 293]. Важнейшим основанием государства как формы организации социальной жизни Гегель считал «чувство необходимости порядка, которым обладают все» [Там же]. Иными словами, речь идет о том, что существование государства как естественно обусловленной высшей формы организации социального порядка укоренено также и непосредственно в сознании индивида, в его «психологии». Соответственно, возникновение государства, по Гегелю, является необходимым следствием самой природы человека, а именно – закономерным результатом удовлетворения присущей психике индивида потребности в безопасности.

После Гегеля, учение которого стало вершиной социально-философской мысли Нового времени, анализ принципов взаимосвязи государства и индивида стал прерогативой прежде всего новой науки об обществе – социологии. Именно в ее рамках было положено начало систематической разработке концептуально-теоретического противопоставления интересов государства и интересов индивида. Вслед за социологией представления о репрессивной природе государства как искусственной формы организации жизни общества, не отвечающей подлинным потребностям и интересам индивидов, стали развиваться и в других социальных науках, главным образом в политологии, экономической теории, правоведении.

Пожалуй, самый известный пример такого подхода – марксистское учение, постулировавшее, что для *увековечивания права имущего класса на эксплуатацию* «было изобретено государство» [Энгельс 1961в: 108], которое, таким образом, в сущности «есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, направленная против эксплуатируемых классов» [Его же 1961б: 253]. Подчеркивая искусственность и репрессивную природу государства, классики марксизма утверждали, что существование государства обусловлено, в конечном счете, разделением общества на «антагонистические классы». Именно поэтому государство «во всех случаях остается по существу машиной для подавления» [Его же 1961в: 176], служит исключительно интересам «эксплуататоров» и, соответственно, не может отвечать подлинным интересам индивида.

Вместе с тем марксизм как научная теория не отрицал объективной необходимости существования государства на определенных этапах исторического развития как силы, держащей общество в границах «порядка»<sup>2</sup>. Однако, поскольку в рамках марксистского учения научные положения нередко сочетались с сугубо идеологическими, это признание не означало, что государство как таковое имеет амбивалентную природу; оно все равно оставалось пусть и необходимым (для антагонистического, – то есть неправильно, несправедливо устроенного общества), но – злом. Поэтому только постепенное «отмирание» этой *искусственно сконструированной* «машины подавления» может привести к преодолению «антагонистических противоречий» в обществе и действительному освобождению людей. Наиболее радикальный вариант конфликтного понимания взаимосвязи государства и индивида, как известно, нашел свое воплощение в анархизме. Последний предлагал уже не только собственно социологическое, но также и биологическое обоснование противопоставления государства потребностям и интересам индивида<sup>3</sup>.

### **Исследование потребностей и интересов индивида в современной социальной науке**

Новые возможности анализа взаимосвязи государства и индивида появились в процессе развития специально-научного изучения потребностей человека как биосоциального существа. Многообразие эмпирических данных о мотивации и поведении индивида, полученных современной наукой, позволяет существенно расширить рамки осмысления этой проблематики и релевантной для нее аргументации.

В работе одного из наиболее авторитетных исследователей природы человеческих потребностей, американского психолога А. Маслоу «Теория мотивации» была предложена ставшая широко известной типология («пирамида») потребностей человека, которая в значительной степени определила направление дальнейшего научного исследования в этой области. Характеризуя разработанную им типологию, А. Маслоу отмечает, что изучение мотивации прежде

---

<sup>2</sup> Так, Ф. Энгельс отмечал в «Анти-Дюринге», что государство служит также и «общим интересам... например, на Востоке – орошение» [Энгельс 1961a: 152].

<sup>3</sup> В частности, в известной работе знаменитого русского анархиста П. А. Кропоткина [2021].

всего «должно представлять собой изучение первичных целей, или желаний и потребностей человека» [Маслоу 2021: 54]. Однако, как подчеркивает известный отечественный психолог Е. П. Ильин, для самой концепции Маслоу характерно «не очень четкое использование научных понятий. Так, в одном случае в качестве потребности в его книге выступает цель, в другом – влечение, в третьем – состояние» [Там же: 393].

Вообще проблема отсутствия достаточно четкого, общезначимого определения понятия потребности и разграничения (прежде всего понятийного) потребностей и интересов по-прежнему остается весьма актуальной (и в равной степени трудноразрешимой) для современной психологии. Так, Е. П. Ильин отмечает, что на вопрос о том, как связаны потребности и интересы человека «четкого ответа в психологии пока не дано» [Ильин 2002: 168], а анализ существующих типологий интересов «показывает, что интереса как единого психологического явления нет» [Там же: 172]. Вместе с тем следует отметить, что практически все авторы разделяют точку зрения о связанности потребностей и интересов.

Наиболее разработанной в современной психологической науке, на наш взгляд, является концепция понимания интереса как посредника-медиатора, социально приемлемой формы реализации потребностей индивида. Тот же Е. П. Ильин подчеркивает, что «интерес не может быть “вообще”», его «адрес всегда известен, хотя может быть не конкретным, а представляет какую-то более-менее широкую область деятельности (склонность) или совокупность предметов (предпочтение). Поэтому точка зрения ряда психологов, заключающаяся в том, что интерес несводим к потребности, правомерна» [Ильин 2002: 168]. Иными словами, интерес, в отличие от потребности, всегда конкретен и реализуется в различных формах человеческой деятельности. В этом смысле можно согласиться с П. Я. Гальпериным, который отмечал, что «потребность диктует только побуждение, влечение к цели, но выбор пути, определение конкретного содержания действия или приспособление действия к наличным обстоятельствам становится в этих условиях отдельной задачей – задачей особой, ориентировочно-исследовательской деятельности» [Гальперин 2008: 152], опирающейся на конкретные интересы конкретного индивида.

Отдельного внимания в этой связи заслуживает концепция «социального интереса» известного австрийского психолога А. Адле-

ра. Она в значительной степени была направлена на преодоление радикального индивидуализма, во многом антикультурных и в конечном счете антисоциальных теоретических установок, присущих фрейдистскому психоаналитическому учению, в котором психика субъекта рассматривалась главным образом в отрыве от сформированных им социальных связей и отношений. Сам Адлер характеризовал понятие социального интереса<sup>4</sup> следующим образом: «У одного английского автора я нашел высказывание, которое точно выражает то, чем мы могли бы дополнить наше объяснение: “Видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого”. Мне кажется, что пока это допустимое определение того, что мы называем чувством общности» [цит. по: Дубовицкая, Тулитбаева 2012: 2277]. Наличие «социального интереса, понимаемого как стремление к участию в разнообразных формах коммуникации с себе подобными, по Адлеру, есть не только необходимый признак психического здоровья индивида, но и важнейший способ его социокультурной интеграции и адаптации.

Таким образом, анализ распространенных в современной психологии представлений о сущности потребностей и интересов выявляет отсутствие концептуального, понятийного консенсуса между учеными-психологами, что подчеркивает необходимость решения этой проблемы также и философскими средствами. В этой связи значительный интерес представляет, на наш взгляд, одна из наиболее разработанных и логически стройных концепций потребностей и интересов индивида в отечественной социальной науке, разработанная К. Х. Момджяном. Так, под потребностью он предлагает понимать «объективно-реальное свойство всякой открытой адаптивной системы испытывать надобность в условиях внешней и внутренней среды, без которых невозможно сохранение факта и качества жизни» [Момджян 2020: 548]. Иными словами, потребности индивида отражают те или иные состояния надобности, вызываемые не только биологической, но и социальной его природой.

В свою очередь, понятие интереса может быть охарактеризовано как «свойство субъекта нуждаться в объектах-медиаторах, необ-

---

<sup>4</sup> Как отмечают Т. Д. Дубовицкая и Г. Ф. Тулитбаева, Адлер использовал «понятие “Gemeinschaftsgefühl”, которое в переводе на русский язык означает “дух солидарности, общности”; “чувство солидарности”. Первоначально термин был переведен на английский язык как “social interest”, а затем перешел в русские реферативные журналы» [Дубовицкая, Тулитбаева 2012: 2276].

ходимых для создания и использования предмета потребности» [Концептуализации... 2018: 174]. Интерес представляет собой средство распознавания и социокультурной адаптации механизмов удовлетворения потребностей, то есть их реализации в допустимых, общественно обусловленных, приемлемых формах. Так, например, интерес индивида удовлетворить потребность в насыщении чаще всего реализуется не в форме простого поглощения пищи руками, но подразумевает наличие стола и соответствующих приборов, то есть обладает вполне конкретной направленностью и предметной оформленностью.

Также следует особо подчеркнуть, что понятие интереса как посредующего звена в удовлетворении потребностей, предполагающем человеческую деятельность, необходимым образом отсылает к субъекту последней. Соответственно, едва ли возможно говорить о существовании интересов общества<sup>5</sup>, так как оно не является субъектом деятельности, поскольку «как и любая реальная социальная группа, представляющая собой надиндивидуальную онтологическую реальность, – отмечает К. Х. Момджян, – априори лишена субъектности, то есть не обладает собственными потребностями, интересами и целями, отличными от потребностей, интересов и целей образующих его людей» [Там же: 231].

#### **Биосоциальная потребность в безопасности как фактор возникновения государства**

Особого внимания при анализе принципов взаимосвязи государства и индивида заслуживает потребность в безопасности как наиболее общая витальная биосоциальная потребность человека. Связывая индивида с животным миром, она, с другой стороны, перекидывает мостик от его сугубо физиологических нужд к потребностям духовного развития. Поэтому удовлетворение данной потребности самым существенным образом влияет на сохранение как факта, так и качества жизни, причем не только конкретного индивида, но и социальных групп, членом которых он является. «Биосоциальная потребность в безопасности, – отмечает К. Х. Момджян, – имеет комплексный характер, реализует себя на всех уровнях потребностной иерархии. Тем не менее, мы выводим ее за рамки те-

---

<sup>5</sup> К слову, еще Г. В. Ф. Гегель отмечал, что у государства, равно как и у гражданского общества, не существует целей (а значит, и интересов, и, тем более, потребностей), отличных от целей индивида.

лесных нужд, где она выступает как потребность в иммунной самозащите организма, и отличаем от чисто духовных потребностей человека» [Момджян 2015].

Иными словами, большая часть физиологических потребностей, находящихся в рамках телесных нужд, удовлетворяется преимущественно в индивидуальном порядке; групповое участие в удовлетворении таких потребностей не является необходимым, а порой даже и противопоказано. Так, например, индивид, преследующий цель хорошо выспаться, едва ли будет искать компанию себе подобных, для того чтобы приступить к удовлетворению этой потребности, поскольку необходимость реализации последней определяется только его собственной телесностью и не выходит за ее рамки. В то же время имеющая очевидные биологические основания потребность в безопасности вместе с необходимостью заботы о себе порождает у индивида как социального существа также и стремление к более тесному взаимодействию с другими индивидами, поскольку эти «другие» способствуют обеспечению его собственной безопасности. Это, в свою очередь, закономерно ведет к развитию первичных форм социальной организации и формированию более широких (многочисленных) социальных групп с соответствующим увеличением внутрigrупповой дифференциации, по меньшей мере относительно власти. В этом смысле именно разделяемое с другими индивидами (и одновременно присущее каждому из них) беспокойство о сохранении собственной жизни может быть охарактеризовано в качестве первоосновы-первопричины, если угодно, «перводвигателя» социальной организации как таковой. Удовлетворение этой потребности, как уже отмечалось, сопровождается выходом за рамки индивидуальных «телесных нужд», то есть требует от абстрактного индивида вполне конкретных социальных действий.

Фундаментальное значение потребности в безопасности как одного из важнейших факторов, лежащих у истоков социальной организации и государства как ее высшей формы, находит убедительное подтверждение при изучении потребностей человека в самых разных аспектах в эмпирических психологических исследованиях. Так, согласно А. Маслоу, потребность в безопасности сопряжена с присущей индивиду нуждой в «защищенности, отсутствии страха, тревоги и хаоса» и в соответствующей этой нужде заинтересованности «в структуре, порядке, законе и ограничениях» [Маслоу 2021: 71]. Как видим, А. Маслоу, характеризуя психику чело-

века в интересующем нас аспекте, говорит, по сути, то же, что и Гегель, и практически теми же словами. Показательно, что двое исследователей, исходивших из столь различных теоретико-методологических установок (более того, можно сказать, принадлежащих к принципиально отличающимся познавательным традициям), приходят, по существу, к одному и тому же выводу. И в высшей степени абстрактная философская мысль абсолютного идеалиста Гегеля, и конкретно-эмпирические психологические исследования практически ориентированного ученого Маслоу говорят, что именно глубоко укорененное в психике человека «чувство необходимости порядка» является важнейшим фактором социальной организации вообще и генезиса государства в частности.

Закономерно, что в современной науке эта точка зрения получила дальнейшее развитие. Так, отечественная исследовательница Н. А. Мальшина отмечает, что, стремясь к удовлетворению потребности в безопасности, индивиды «любят порядок, четкие правила, ясные структуры» [Мальшина 2015: 44]. Иными словами, и в этом случае также подчеркивается наличие у индивидов естественно обусловленной психологической склонности к воспроизводству устойчивых форм социальной организации. Соответственно, развитие способов и средств удовлетворения первичных физиологических потребностей по мере усложнения психики индивида приводит к возникновению у него потребностей нового типа, удовлетворение которых возможно только при наличии достаточно развитой и упорядоченной социальной структуры.

Значение потребностей в безопасности и наличии упорядоченной социальной структуры столь велико, что, как пишет А. Маслоу, они «могут быть факторами, почти исключительно организующими поведение, мобилизующими на службу себе все силы организма» [Маслоу 2021: 71]. Неспособность отдельного индивида к полноценному удовлетворению потребности в безопасности не только в данный конкретный момент, но и потенциально, не может не побуждать его к поиску групповых, коллективных способов реализации этой потребности. Соответственно, потребность в безопасности реализуется не только за счет собственных индивидуальных усилий и соответствующей перенастройки деятельности организма, но также и в результате функционирования социально организованных форм защиты, существование которых также вытекает из потребностей индивида.

На это обстоятельство особое внимание обращает и известный польский психолог-клиницист К. Обуховский, который отмечает, что «потребности в безопасности удовлетворяются не только благодаря собственному защитному и профилактическому поведению, но и через подчинение власти» [Обуховский 2003: 55]. Иными словами, эмпирические психологические исследования показывают, что в восприятии индивида одной из функций власти, а значит, и государства как формы ее осуществления, является обеспечение безопасности. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что факт «подчинения власти» осознается индивидом не только и не столько как результат «принуждения», сколько как неизбежное следствие необходимости удовлетворения его собственной витальной потребности в защищенности и наличии определенного социального порядка.

Необходимо отметить, что возникновение и развитие государства как формы социальной организации, базирующейся на стремлении индивидов к удовлетворению потребности в безопасности, обусловлено также и наличием у человека еще одной важнейшей, можно сказать, экзистенциально необходимой потребности, – потребности в коммуникации, «в контакте с другим реальным или воображаемым живым существом» [Ильин 2002: 208]. Невозможно недооценивать тот факт, что ее удовлетворение необходимо в том числе и для нормального функционирования человеческой психики, на что обращал внимание А. Адлер. Сегодня считается установленным, что «к физико-психологическим потребностям можно также причислить потребность в информации, так как при отсутствии нервных сигналов нервная ткань деградирует, а психика людей в условиях сенсорной депривации расстраивается» [Мальшина 2015: 37].

Поскольку всякая коммуникация, предполагающая осмысленный обмен информацией, по определению должна быть упорядочена, потребность в общении с себе подобными как необходимая для психики и развития сознания человека форма удовлетворения коммуникативной потребности также может быть отнесена к числу фундаментальных оснований социальной организации вообще, а тем самым (пусть и весьма опосредованно) и государства как ее высшей формы<sup>6</sup>. Неслучайно еще Аристотель считал потребность

---

<sup>6</sup> Отдельного внимания в этой связи заслуживает факт биологической предрасположенности индивида к вербальной коммуникации (в частности, строение

в общении видоспецифичной характеристикой человека как *полисного* существа и важнейшим основанием государственности: «...всякое государство представляет собой своего рода общение» [Аристотель 1983: 376]. Р. С. Платонов отмечает в этой связи, что «полис (πόλις) – это “завершение” (ἡέλωρ) актуализации человека на социальном уровне. Именно эта форма особенно важна, так как в буквальном смысле аккумулирует в себе все практики общения – “все сообщества – это как бы члены государственного сообщества”» [Платонов 2016]. Это также позволяет утверждать, что возникновение государства как интегральной формы организации социальной жизни базируется по меньшей мере на двух фундаментальных жизненноважных потребностях человека: биосоциальной потребности в безопасности и потребности в коммуникации, удовлетворение каждой из которых предполагает формирование определенного социального порядка, обеспечивающего безопасность и возможность организации различных форм знаково-символической коммуникации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что согласно современным научным представлениям о потребностях человека как биосоциального существа, возникновение и развитие государственной формы организации общественной жизни обусловлено потребностями индивида и отвечает его интересам. Развитие науки показало, что гегелевская мысль о «чувстве необходимости порядка, которым обладают все» как основании всякой социальной организации, и в том числе государства как ее высшей формы, является не просто абстрактно-теоретическим положением, но подтверждается также многочисленными эмпирическими фактами, установленными на материале разнообразных исследований в рамках современных теорий потребностей.

В то же время следует подчеркнуть, что стратегия понимания взаимосвязи государства и интересов индивида, опирающаяся на представления об искусственной, репрессивной природе государства, характеризующая его как «машину подавления» индивида, не только противоречит выводам классической философской мысли в этом отношении, но и не находит объективного подтвержде-

---

речевого аппарата, способствующее произнесению членораздельных звуков) и способность к ее оформлению в знаково-символической форме, что имеет не менее, а может быть, даже более важное значение с точки зрения описания человека как существа биосоциального, то есть биологически и социально предрасположенного к формированию и воспроизводству развитых форм социальной организации.

ния в данных современной науки, в частности в исследованиях психологии и мотивации поведения человека, оказываясь, таким образом, скорее в поле идеологического, нежели научного и философского рассмотрения этой проблемы.

### *Литература*

- Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
- Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, Модэк, 2008.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
- Гоббс Т. О гражданине // Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. С. 270–506.
- Дубовицкая Т. Д., Тулитбаева Г. Ф. Социальный интерес: понятие, структура, диагностика, развитие // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (ч. 10). С. 2276–2279.
- Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002.
- Коновалова О. А. Учение о потребностях в «Государстве» Платона // Философские науки. 2007. № 2. С. 123–127.
- Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М. : ИНФРА-М, 2018.
- Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М. : URSS, 2021.
- Локк Дж. Два тракта о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 137–405.
- Мальшина Н. А. Человек и его потребности: уч. пособ. М. : Дашков и К°, 2015.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.] : Питер, 2021.
- Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Ст. 2. Биосоциальная потребность в безопасности [Электронный ресурс] : Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 5. С. 77–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tipologii-chelovecheskih-potrebnostey-statya-2-biosotsialnaya-potrebnost-v-bezopasnosti/viewer>.
- Момджян К. Х. О «разумных» и «неразумных» потребностях человека // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. С. 547–550.
- Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб. : Речь, 2003.
- Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994.

Платонов Р. С. Проблема общения в этике Аристотеля [Электронный ресурс] : Теоретический семинар сектора этики. 2016. URL: [https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/31\\_03\\_2016/communication-aristo.pdf](https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/31_03_2016/communication-aristo.pdf) (дата обращения: 30.04.2022).

Фома Аквинский. Сумма теологии. Киев : Эльга, Ника-Центр; М. : Элькор-МК, 2002.

Хомский Н. Государство будущего. М. : Альпина нон-фикшн, 2012.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. Т. 20. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961а. С. 5–338.

Энгельс Ф. К жилищному вопросу / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. Т. 18. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961б. С. 203–284.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. Т. 21. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961в. С. 23–178.